

УДК 930.272, 246.5

Н. Е. Никонова

В. А. ЖУКОВСКИЙ – ЧИТАТЕЛЬ КНИГ И. М. ФОН РАДОВИЦА¹

Представлены результаты изучения изданий на немецком языке из личной библиотеки В. А. Жуковского с пометами поэта. Впервые рассмотрен вопрос о восприятии Жуковским-читателем книг прусского генерала И. М. фон Радовица, ставшего для него не только близким другом, но и героем прозы последних лет жизни романтика.

Ключевые слова: *личные библиотеки русских классиков, В. А. Жуковский, И. М. фон Радовиц, христианская эмблематика.*

Йозеф Мария фон Радовиц (Joseph Maria von Radowitz, 1793–1853) – прусский генерал, государственный деятель и публицист, получивший широкую и в то же время неоднозначную известность в немецком мире в связи с политическими потрясениями 1830–40-х гг. Многогранно одаренная, сильная воля и деятельная натура Радовица нашла равно яркое выражение в его активной политической, научной и писательской деятельности. Его личность имела беспрецедентный отклик в многочисленных прижизненных и посмертных биографических заметках, созданных современниками. Самые крупные и известные из прижизненных жизнеописаний были созданы в защиту Радовица и вышли из-под пера Э. Френсдорфа [1] и В. А. Жуковского [2]. Основанием для нападок недругов и измены единомышленников стали непреклонность взглядов генерала и некоторые неоднозначные моменты в его биографии начиная с происхождения.

Особую роль в жизни генерала (и в этом обнаруживается прямая параллель с биографией Жуковского) сыграло назначение в 1823 г. наставником принца Альбрехта Прусского, с которым у него завязались тесные дружеские отношения. Клерикализм и консерватизм Радовица способствовали его сближению с кронпринцем (впоследствии королем Фридрихом-Вильгельмом IV).

В первой половине 1830-х гг. вышли его труды по военному делу (*Die Theorie des Ricochets*, 1835) и истории религии (*Ikonographie der Heiligen*, 1834). В 1836 г. он отправился во Франкфурт в качестве уполномоченного Пруссии. С этим назначением началась значительная дипломатическая карьера генерала, напрямую связанная с конституцией, государственностью и объединением немецкого мира. В 1842 г. он стал полковником, с 1845 г. – генерал-майором, служил посланником при дворах Баденском, Дармштадтском и Нассауском. В 1847 г. составил проект реформы Германского союза и для проведения ее был направлен в Вену, но планы его не осуществились из-за революционных событий 1848 г.

В силу непримиримости своей позиции, твердости характера и бескомпромиссности в выражении консервативных убеждений Радовиц подвергался многочисленным нападкам современников. Он предпочитал воздерживаться от каких-либо публичных комментариев по поводу хулильных выпадов в свой адрес, что, очевидно, еще сильнее разжигало «страсти по Радовицу».

В. А. Жуковский познакомился с Й. фон Радовицем во время путешествия в Германию в сентябре 1827 г.; дневниковая запись от 3 сентября гласит: «Знакомство с Радовицем. Просидел у него до двенадцати часов. Разговор о Штейне и о Пруссии. Теперешнее образование Пруссии. Правило фундаментального правительства: сохранение справедливости» [3, с. 84]. Жуковский и Радовиц сразу нашли точки соприкосновения. Весь сентябрь, вплоть до своего отъезда из Берлина, поэт регулярно встречался с Радовицем, беседовал с ним о Гете, Байроне, Шекспире, Гегеле, о трудах самого Радовица («высшем учении математики чистой и применительно к натуральным и военным наукам» [там же]), вместе они посетили картинную галерею, выставку изделий из стекла.

Начиная с 1838 г. Жуковский и Радовиц видятся регулярно, обсуждают книжные новинки, делятся мыслями о живописи и архитектуре, о Пруссии и религии, Жуковский знакомится с семьей Радовица. С фактическим переездом русского поэта в Германию начинается настоящая дружба двух одаренных личностей. Это обязательное для Жуковского в выборе людей и дискурсов «внутреннее сродство», или родственность душ специально отметит прекрасно знавший обоих Фридрих-Вильгельм IV. В его письме к русскому поэту от 21 декабря 1850 г.: «Вы, Жуковский, хорошо знаете Радовица уже потому, что схожи с ним» [4, с. 189].

В 1840-х гг. прежние дружеские отношения между ними становятся глубже, Жуковский все чаще оставляет на страницах своего в целом лаконичного по стилю дневника восторженные записи и глубокие характеристики личности своего не-

¹ Статья подготовлена при поддержке РФНФ (проект № 12-34-01225).

мецкого друга: «Прекрасная поездка по железной дороге вместе с Радовицем. <...> Вообще весьма немного таких людей как Радовиц и по положительным способностям ума, и по широким, разнообразным объективным знаниям, сделавшимися внешне субъективными, и по характеру, в котором сильная естественная воля, просвещенным умом озаряемая, высокими правилами приведенная в равновесие со всеми качествами души, произвели нравственное совершенство. Радовиц есть прелестный добродетельный человек» [3, с. 215]; «редкая логика и самобытность мысли при величайшем богатстве знаний» [3, с. 217], «прекраснейшее, строго логическое рассуждение о чести и душе» [3, с. 225]; «Какое богатство мыслей, но мыслей (не родившихся в голове вооруженных как Минерва) обдуманых, логически выдержанных и знанием поддержанных. Это лучше остроты, красноречивости и тонкости» [3, с. 226].

Мы не имеем возможности определить более или менее точную хронологию встреч в период с 1846 по 1852 г. из-за отсутствия доступных дневниковых записей Жуковского в этот период, однако достаточно полное представление о продолжавшихся тесных дружеских отношениях дает переписка поэта с воспитанником Радовица Фридрихом-Вильгельмом IV. Коммуникативным поводом и основным предметом этого эпистолярного диалога становится судьба стойко переносящего все бедствия и близкого обоим генерала.

В письмах к наследнику прусского престола Жуковским движет единственное стремление «действовать согласно долгу дружбы, в защиту человека, с которым случилось несчастье» [4, с. 189]. В 1843 г. он ходатайствует материальной поддержке Радовица, взамен предлагая монарху свою коллекцию живописи; спустя три года в письме от 30 июня 1846 г. Жуковский просит предоставить другу отпуск по состоянию здоровья, еще через два года настаивает на назначении ему пенсии или выплаты суммы, проценты с которой могли бы обеспечить семье генерала подобающее существование. Наконец, летом 1850 г. поэт высылает Фридриху-Вильгельму IV свою брошюру о Радовице. На все его послания король незамедлительно реагирует с благодарностью.

В личной библиотеке поэта сохранилось четыре издания на немецком языке, связанных с именем Радовица: его книга «Иконография святых» [5], издание с эклибрисом генерала «Притчи отца Бонавентуры, руководство в помощь наставникам, учителям и родителям для разъяснения христианских истин и нравов» [6] с пометкой Жуковского, а также два варианта малоизвестного интереснейшего труда генерала о католической эмблематике «Девизы и мотто позднего средневековья. О поэзии афо-

ризмов» с маргиналиями, планом и переводом русского поэта. Первое издание объемом в 35 с., очевидно пробное, не имеет указания места и года, второе, значительно дополненное (87 с.), вышло в Штутгарте и Тюбингене в 1850 г.

В очерке о Радовице Жуковский цитирует и дает распространенную характеристику его сочинению «Разговоры из настоящего времени о государстве и церкви» (*Gespräche aus der Gegenwart über Staat und Kirche*. Erfurt und Leipzig, 1847), с которым он, очевидно, был хорошо знаком. Брошюра Радовица «*Deutschland und Friedrich-Wilhelm IV*» (1848) также была известна поэту. По его словам, «она бросает блистательный свет как на действия Короля Прусского в последние, предшествовавшие революции годы, так и на его теперешние намерения относительно устройства Германии» [7, с. 443]. Однако в его личном собрании эти издания не обнаружены.

Первая книга Радовица из личной библиотеки Жуковского «Иконография святых. Исследование по истории искусства» (*Ikongraphie der Heiligen. Ein Beitrag zur Kunstgeschichte*. Berlin, F. Duemmler, 1834. X, 102 S.) сохранилась без каких-либо маргиналий [8, с. 163].

Вторая из интересующих нас книг имеет эклибрис Радовица. Издание под заглавием «Притчи отца Бонавентуры, руководство в помощь наставникам, учителям и родителям для разъяснения христианских истин и нравов» (Зульцбах, 1835, 330 с.) представляет собой перевод с французского и является первым выпуском из серии «Поучительно-развлекательных сочинений католических авторов, избранных с вниманием к чистоте нравов и доброму образу мыслей». Переводчик, имя которого остается неизвестным, оставил следующее примечание об авторе сочинения: «Бонавентура Жирандо, священник общества иезуитов, родился в 1697 г. в провинции Пуату, долгое время был профессором риторики в Ля Рошель, на протяжении четырнадцати лет руководил семинаром; затем был призван в Рим на должность секретаря генерала ордена; в это время вышло первое издание его метода изучения греческого языка. Вернувшись на родину, он пережил с горечью распад ордена, но продолжал свои научные труды. Умер в возрасте 77 лет, в 1774 г.» [6, S. IV]. Всего в издании 92 притчи, из них первые 38 впервые были изданы в Париже в 1766 г.

Жуковский помечает в оглавлении, как это ему свойственно, карандашной чертой только одну притчу под заглавием «История Алимеда» (S. 146–154). Притчу открывает краткая история о судьбе отца Алимеда, Махмуда, спасенного королем Зезольштрисом. Махмуд получил не только жизнь, но также пост министра и полное доверие правите-

ля, однако не оправдал его и предал своего благодетеля. Это открылось, и Махмуда казнили. Он оставил после себя младенца-сына, который всю жизнь должен был провести в изгнании. По законам государства, спасти его мог только правитель, согласившийся принести себя в жертву и отбыть за преступника в заточении два года. Этим героем стал единственный сын и наследник короля принц Йозес.

Дальнейшая история открывает многие перипетии в отношениях между приближенным ко двору Алимедом и правящим домом. Алимед был чрезвычайно амбициозен и обнаруживал многие честолюбивые порывы еще в юности, но всегда прислушивался к увещаниям принца. Спустя годы он стал прославленным военачальником, а его друг принц получил корону. Спустя годы службы Алимед поддался лживым речам и уговорам недруга и предал своего короля, встав во главе вражеского войска, но был побежден и наказан так же, как его отец.

Мораль притчи излагается на нескольких страницах. Выдуманная священником Бонавентурой аллегория имеет религиозный подтекст: под добрым и вершащим суд правителем подразумевается Христос, а участь спасенного и благодетельствованного, но отвернувшегося от своего покровителя подданного должна служить поучением каждому живущему на земле грешному человеку.

Сюжет притчи привлек Жуковского не только благодаря религиозной составляющей. Близкой и во многом автобиографичной для него, очевидно, оказалась сама история отмеченного правителем придворного, заслужившего доверие и уважение при дворе; судьба подданного, получившего доверие и дружбу самого короля и вынужденного противостоять многим искушениям, чтобы сохранить ему верность. Это было близко и Радовицу, также не имевшему высокого аристократического происхождения, но достигшему благодаря самообразованию и сильному характеру, твердой воле и стремлению к нравственному самосовершенствованию положения придворного наставника. К моменту выхода в свет книги Бонавентуры (в 1835 г.) Жуковский, как наставник наследника престола, окончательно переехал в Петербург, полностью посвятив себя широкой образовательной и педагогической деятельности, а Радовиц закончил свою миссию наставника, навсегда подружившись со своим воспитанником, кронпринцем Альбрехтом. Немецкий перевод притч Бонавентуры, собственно, и предназначен, как гласит подзаголовок, «наставникам, учителям и родителям для разъяснения христианских истин и нравов». Дружба с Радовицем объясняет интерес русского поэта к этому сочинению французского священника-иезуита.

Наконец, особый интерес представляют две одноименные книги Радовица «Девизы и афоризмы позднего средневековья. Доклад о библейской поэзии афоризмов», содержащие многочисленные пометы и перевод Жуковского. Эти труды являются, очевидно, плодом его занятий литературой и историей христианства в 1844–1846 гг. Данный этап хорошо описан в очерке Жуковского, однако не упоминается в других жизнеописаниях генерала, авторы которых сосредоточивались на политических неудачах позднего Радовица. С другой стороны, подробное изъяснение средневековых девизов и мотто продолжает исследование христианской иконографии, которым увлекался генерал.

Композиция изданий одинакова: в предисловии автор поясняет сущность практически исчезнувшего феномена девизов, их поэтику, совмещающую художественное слово (краткое изречение на латыни) и изображение, соединенные по принципу метафоры или метонимии. Вслед за предисловием приводится пронумерованный список характеристик каждого девиза, разбитый на рубрики («Грехопадение», «Вера», «Воскресение» и др.). Каждый пункт состоит из описания картинка на немецком языке, латинского или итальянского изречения к нему и его немецкого перевода. К примеру: «Ein Phoenix im Feuer – Morir por no morir (ich sterbe, um nicht zu sterben). Умираю, чтобы жить» [9, с. 15] (русский перевод Жуковского).

Соединение библейского поэтического афоризма с эмблемой оказалось близким романтической системе Жуковского, полной символики, автоцитат, формул и мифологем. Поэт тщательно изучает обе книги, оставляя не только читательские пометы в виде отчеркиваний, вопросительных знаков или подчеркиваний, но главным образом перевод заинтересовавших его девизов, а также вкладывает отдельный лист с планом-конспектом интересных ему рубрик.

Первое из изданий – очевидно, более раннее и пробное – более чем в два раза меньше второго. Жуковский-читатель отмечает несколько фрагментов в предисловии, важных для определения жанра мотто (синтеза слова и картинка), и перевод двадцати четырех девизов. Далее приведем русский перевод отмеченных поэтом в предисловии мест, затем в таблице описание картинка и текст перевода мотто, оставленный Жуковским на полях (в скобках указываются номера страниц издания из библиотеки В. А. Жуковского, о котором идет речь):

1. *Так как пословица, собственно говоря, представляет результат народной морали, то ее обратное воздействие на каждого намного шире, чем это обыкновенно признается. Каждый из нас удивился бы, когда б окинул взглядом те мимолетные и значительные моменты собственной жизни, решение которых, сознательно или несознательно,*

было определено ключевым словом, в нас возникшим (3).

2. Название «девиз» уместно только там, где слово возникает вместе с изображением, обозначение «эмблема» подходит для картинок такого типа, не снабженных текстом; а само изречение в отдельности следует называть «мотто». Будучи похожим на настоящую поговорку, мотто является в то же время ее противоположностью по цели и жанру (4).

3. Стремящемуся к разумной недву­смысленной эпиграфике древнему человеку туманный смысл

намек, вытекающий из соединения слова и картин­ки, был недоступен; там, где нужна была аллегория, они вкладывали ее в само художественное изображение. Только в германско-романскую Западную Европу и период с 15 до 17 веков девиз находит общее и широкое употребление (5).

4. Достоверно то, что, начиная с середины 15 века девизы и мотто распространяются во всех европейских странах (6).

5. Смысл девизов в общем должен относиться к настоящему и будущему, ни в коем случае не к прошлому. Суть действия девиза, которую хоро-

Описание картинки (нем.) – Девиз к ней (лат.)	Название рубрики и описание картинки (пер. наш. – Н. Н.)	Девиз (пер. В. А. Жуковского)
5) Die Sonne die Erde beleuchtend – Coelo permanens terram contingo	Присутствие Христа в причастии 5) Солнце, освещающее землю	И в небесах и на земле (14)
8) Eine Orgel – Me spiritus implet (mich belebt der Hauch)	Тайна дара Марии 8) Орган	Дух оживляет меня (14)
13) Der Abendstern bei untergehender Sonne – Sola cum sole (allein bei der Sonne)	Богоматерь у креста сына 13) Вечерняя звезда при заходящем солнце	Одна при солнце звезда (15)
14) Die Sonne und der Mond – lumen idem (gleiches Licht)	Церковь и ее божественный основатель 14) Солнце и луна	Тот же свет (15)
19) Der Apfel mit der Schlange – Ex malo malum (aus dem Bisse das Böse)	Грехопадение 19) Яблоко со змеей	От вкушения согрешение (15)
20) Der Morgen= und Abendstern – Sequitur et praecurrit (vor und nach)	Божественная милость 20) Утренняя и вечерняя звезда	Прежде и после (15)
21) Ein Adler; der in die Sonne schaut – Sans douter (unverwandt)	Вера 21) Орел, взирающий на солнце	Не отвращусь (15)
25) Eine Quelle, die aus einem Felsen entspringt – Piu polta piu viva (je tiefer begraben, je lebendiger)	Презрение мира 25) Источник, бьющий из скалы	Чем глубже, тем <живее> (15)
29) Die Uhr – Omnia vulnerant, ultima ne cat (alle verwunden, die letzte tödtet)	Приготовление к смерти 29) Часы	Каждый ранит, последний смерть (16)
31) Ein Phoenix im Feuer – Morir por no morir (ich sterbe, um nicht zu sterben)	Воскресение 31) Феникс в огне	Умираю, чтобы жить Сойти, чтобы взойти Туда, откуда!
32) Die untergehende Sonne – Occidit ut oriatur (untergehen um aufzugehen)	32) Заходящее солнце	Умирая, взлетают
34) Eine Flamme, die zum Himmel steigt – Unde venne ritorna (woher, dahin!)	34) Пламя, поднимающееся к небу	Дух – небесам, земле – благоухание (17)
35) Feuerfunken, die sich erheben – Si mueren suben (sterbend steigen sie)	35) Искры, взлетающие от огня	
37) Ein Weihrauchgefaess, dessen Rauch emporsteigt – Lo spirto al ciel, l'odor in terra (der Geist den Himmel, der Wohlgeruch auf Erden)	37) Сосуд с благовонием, от которого исходит благоухание	
45) Eine Perlmuschel im Meere – Ab sale candor (vom Salz der Glanz)	45) Раковина в море	От соли блеск
46) Ein Phoenix in Flammen – Murio y nacio (ich starb und ward geboren)	46) Феникс в огне	Умерши родился
49) Eine Sonnenblume der untergehenden Sonne zugewendet – Abeunti quoque (auch der Scheidenden)	Печаль о смерти 49) Подсолнух, обращенный к солнцу	За отходящим Я помню о смерти его и жизни моей
50) Eine Turteltaube auf einem dürren Zweige – Piango morte e mia vita (ich beweine seinen Tod und mein Leben)	50) Воркующий голубь на сухой ветке	Угасим сияние Родиться дабы умереть (17)
55) Eine glänzende Wolke nach Sonnenuntergang – Ardet extincto (aus der Verloschenen ihre Glut)	55) Сияющее облако после заката солнца	Сладость моя землю покрывает (18)
56) Die Morgenroethe – Dum pario pereo (sie belebt und stirbt)	56) Утренняя заря	
59) Die Wurzel des Süßholzes – Dulce meum terra tegitur (meine Süßigkeit deckt die Erde)	18 59) Корни сладкого дерева	
63) Die Sonne und der Morgenstern – Ubi tu ego (wo du, da ich)	Супруги 63) Солнце и утренняя звезда (Венера)	Где ты, там я Как в жизни, так и в смерти (18)
66) Ein gefällter Baum mit Epheu umschlungen – Le no la vida porque la muerte (wo im Leben so im Tode)	66) Поваленное дерево, обвитое плющом	

шо выражает итальянское слово *impresa*, – вдохновлять, побуждать на будущие действия, а не описывать уже совершившиеся (9).

6. Если в одной картине объединяются многие объекты, то отношение между ними должно быть совершенно определенным, наглядным.

Требовалось также, чтобы образ человека не появлялся среди изображений девизов (10).

7. Прежде всего требуется, чтобы слово (лемма) относилось так же определенно к изображению, как и к автору девиза...

Однако ни в коем случае изречение не могло выражать то же самое, что было понятным из картинки, или напротив, заключать единственно в себе весь смысл девиза <...>. Ценность девиза состояла именно в том, что одно дополняет другое и так доносит до понимания.

<...> Вид связи между изображением и словом, который теперь называют ребусом <...>

Краткость считается главным преимуществом леммы <...> (11).

8. К сатирическим девизам по праву относились пренебрежительно <...> (12).

Жуковский оставляет в книге лист бумаги с переводом названий некоторых пунктов и рубрик:

1. Смертью жить. 3
6. Во мне создавший меня.
8. Дух оживляет меня.
9. Плод при цвете.
11. Рождаю меня родившего.
14. Свет от света.

15. Нет спасения вам.

16. Не зрящий меня блуждает.

17. Путь указывает.

всем все

Можно утверждать, что чтение Жуковского имело частный автобиографический характер, поэт вычитывал из всего комплекса разнообразных религиозно-христианских рубрик, приведенных Радовицем, актуальные для него лично в непростых обстоятельствах семейной жизни конца 1840-х – нач. 1850-х гг. Темы смерти и воскресения, греха и искупления, причастия и супружеского союза прежде всего интересовали Жуковского не только в данном сочинении его друга, но и в других многочисленных книгах немецких теологов и историков церкви, чьи труды находятся в его личной библиотеке. Постоянство индивидуального интереса позднего Жуковского к определенному кругу теософских вопросов, связанных с его меланхолическим настроением, вызванным пошатнувшимся здоровьем и крушением надежд на возвращение в Россию, неприятием окружающей социально-политической ситуации, подтверждается в результате внимательного изучения его помет в другом издании того же сочинения Радовица.

Второе издание «Die Devisen und Motto des späteren Mittelalters. Ein Beitrag zur Spruchpoesie von J. von Radowitz» [10] имеет на обложке инициалы «В.А.Ж.» и содержит следующие строки перевода Жуковского:

Название рубрики и описание картинка (пер. наш. – Н. Н.)	Девиз (пер. В. А. Жуковского)
Смертная жертва Христа 1. Пеликан, вскормивший своих птенцов собственной кровью 2. Та же картинка 4. Та же картинка	Смертью жизнь (20) Родился и возродился (20) Единственным Единственный (20)
Присутствие Христа в причастии 5. Солнце, освещающее землю	Он и в небесах и на земле (20)
Тайна дара Марии 6. Кокон, сплетенный шелкопрядом 11. Утренняя заря	Во мне меня создавший (20) Рождаю меня родившего (21)
Богоматерь у креста сына 14. Вечерняя звезда на закате солнца	Одна при солнце (22)
Церковь и ее божественный основатель 15. Солнце и луна	Один и тот же свет (22)
Церковь и ее учение 16. Церковь Ноя 17. Полярная звезда 18. Башня маяка 19. Зеркало 22. Солнце	Нет спасения вне. Вне – погибель (22) Не зрящий меня блуждает (22) Указывает путь (22) Всем все (22) Довольно для мира (22)
Грехопадение 23. Яблоко со змеем	Из вкушения согрешения (22)
Божественная милость 24. Утренняя и вечерняя звезды	И до и по(сле) (22)
Вера 25. Орел, взирающий на солнце	Не отвращаясь (22)
Вечность 27. Змея, кусающая себя за хвост	Где начало, там конец (22)

Преходящая мир	Всегда, никогда! (22)
28. Бьющий маятник часов	
Воскресение	Дух – небесам, земле – благоухание (26)
45. Сосуд с благовонием, от которого исходит благоухание	Горю, благоухая. Сгорая, благоухаю (26)
46. Та же картинка	Погружаюсь для взлета (26)
47. Водоплавающая птица в море	Оно разрушает жизнь (26)
48. Ржаное поле	Упование жизни. Новая жизни надежда (26)
50. Цветок, роняющий свои семена	Плод за слезами (26)
51. Плачущая лоза	
Отдельные святые	Бог видит (27)
56. Око в треугольнике	
Печаль о смерти	И при разлуке за отходящим (28)
62. Подсолнух, обращенный к солнцу	Мне больше ничего нет, ничего не надо мне (28)
63. Пустой кувшин	Помню о смерти его и жизни моей (28)
64. Воркующий голубь на сухой ветке	Лук сломан, а раны живы (28)
65. Лук с разорванной тетивой	Для меньшего я не живу (28)
67. Подсолнух с опущенной главой	Багровеет умирая (28)
68. Заходящее солнце	От угасших пламенеет. От угасших их пламя (28)
69. Сияющее облако после заката солнца	Рождая умирает. Для жизни умереть (29)
70. Утренняя заря	Заменишь одного (29)
71. Восемь звезд, которые видны на закате солнца	Жизнь только из гроба (29)
72. Ветви из гроба	Нет слов для моей скорби (29)
73. Неисписанный лист	И он умрет (29)
74. Высохший ствол дерева, на котором лишь одна ветвь	Ни жить. Ни умереть. Ни жизни, ни смерти (29)
75. Разрезанная надвое змея	Кругом темно (29)
76. Заходящее солнце	Семена созрели (30)
77. Клонящийся полный колос	
Смена времен	То, чего не дал один, то принес другой (30)
78. Часы	И зло и добро приношу (30)
79. К той же картинке	Они исчезают, счет им ведется (30)
80. К той же картинке	Небо мною правит. Мною правит небо. Мною небо руководит (30)
81. Солнечные часы	
82. К той же картинке	Мною сочтены часы счастья (30)
83. Челн	То наша жизнь (31)
Супруги	Один мне мил. Никого другого (31)
84. Два воркующих голубя	Где ты там я (31)
85. Солнце и Венера	Моим плодом окружен (31)
86. Виноградная лоза, обвитая вокруг древа	И в смерти с ним. И терпение тебя не подведет (31)
87. Плющ, обвившийся вокруг сухого древа	Как в жизни, так и в смерти. Равно в жизни и смерти (31)
88. Поваленное дерево, обвитое плющом	
89. Синица на крыше	Я друг а не раба (31)
Господство (царствование)	Кто ответит? (31)
90. Лев, держащий скипетр	Королем рожден (32)
91. Гранат	Закон должно исполнять (32)
92. Стрелка часов	Чем более роста, тем более блеска (32)
94. Растущая луна	Он вам царь (32)
95. Гриф, который состоит из орла и льва	Далее (32)
96. Два столба Геркулеса	Ему восторг не нужен (32)
97. Солнце, окруженное короной из облаков	Не для себя, для мира (32)
99. Солнце	И править и <нрзб.> (33)
101. Узда	Мне жизнь другому смерть (33)
102. Саламандра в огне	Меня питает (33)
103. К той же картинке	Всему покров (33)
104. Небо	Вечно зелено (33)
105. Лавровое дерево	Уже все озарено (33)
107. Колесница Аполлона	Покою движет (33)
110. Магнит	
Доброе чувство	Всех вверх, никого вниз (33)
111. Пламя	Чем темнее кругом тем светлее. Тем светлее, чем вокруг темнее (33)
112. Луна	
113. Восходящее солнце	Еще не виден блеск (33)
114. Дикий конь	Господина не терпи (33)
116. Бюст Цезаря	Иль всегда иль ничто. Все иль ничего (33)

<p><i>Верность в служении</i> 118. Овца и собака 119. Ветряная мельница 120. Усеянное звездами небо 121. Колос 122. Ладонь с вытянутыми пальцами 123. Огненный столп иудеев 124. Сокол с зажимом 125. Дракон, держащий <нрзб.> 126. Плющ, обвитый вокруг пирамиды 127. Слон топчет змей 129. Якорь</p>	<p><i>И верен и молчалив (35)</i> <i>Двигаясь – двигай (35)</i> <i>Много очей, нет языка (35)</i> <i>Малые с большими согласны (35)</i> <i>В неравенстве красота (35)</i> <i>Путем неизвестным (35)</i> <i>Его сковала твоя победа (35)</i> <i>Служить и выдержать (36)</i> <i>Видишь, я зеленою (36)</i> <i>Губитель губящего (36)</i> <i>Держась держу (36)</i></p>
<p><i>Справедливость</i> 132. Весы</p>	<p><i>Правдив мой язык. Правда на моем языке (36)</i></p>

Как следует из списка эмблем, привлечших внимание Жуковского, он прочел доработанное издание книги заново, его интерес к теме не угас. Около половины девизов переведены им во второй раз, их перевод в точности повторяет список первого издания книги Радовица, что позволяет еще раз подчеркнуть важность избранных рубрик. Длинный перечень дополнился рубриками, не менее актуальными для Жуковского-романтика с автобиографической точки зрения: «верность в служении», «царствование (правление)», «вечность» и «преходящее». Перевод и пометы в сохранившихся изданиях открывают важнейшую магистраль взаимоотношений двух друзей и творческого восприятия русским поэтом личности Радовица как религиозного мыслителя и историка церкви. Кроме того, открывшийся материал позволяет лучше представить себе творческую лабораторию позднего Жуковского, источники типологии и видов образности его художественных текстов.

Апогеем дружбы с генералом явился немецкий очерк Жуковского о Радовице, который представляет собой целостное художественное произведение в прозе. Русский автоперевод этого сочинения получил освещение в работе И. А. Айзиковой [11]. Жанр своего сочинения Жуковский справедливо определяет как портрет, который предполагает соединение объективной точки зрения и имманентную идейно-эстетическую позицию художника-автора. В результате под пером Жуковского рождается изображение «внутреннего человека», романтический, идеализированный и загадочный характер, герой-одиночка и в то же время ориентир, характерный для своего автора.

Немецкая брошюра о Радовице представляет собой целостное оригинальное произведение по мотивам русского очерка. Сочинение на иностранном языке в отличие от русского обрамлено предисловием, стихотворным посвящением Жуковского и эпиграфом из известного историка французской монархии Ф. Д. Монлозье (1755–1838), с одной стороны, и письмом некоей родственницы генерала от 20 мая 1850 г., в котором аргументируется его представле-

ние о факторах, повлиявших на формирование личности фон Радовица. Посвящение к очерку написано в духе религиозной поэзии, образность стихотворения по типу близка христианской эмблематике, некоторые из мотивов (раковина и жемчужина, земля, коралловый риф) напрямую соотносятся с символической библейских эмблем, описанных в работах Радовица и выделенных Жуковским-читателем.

Брошюра В. А. Жуковского о Радовице и русская статья, не обнаруживая кардинальных расхождений в основном тексте, функционально и композиционно являются различными произведениями. Однако и в русском, и в немецком вариантах очерка центральным его образом является индивидуальный облик генерала, представляемый с разных сторон. Жуковский стремится написать точный портрет своего друга, однако тут же оговаривается, замечая, что не станет строго придерживаться фактов, как это сделал автор самой авторитетной по сей день его биографии, вышедшей в том же 1850 г., Эмиль Френсдорф, но представит «домашнего Радовица». Поэтому поэт прежде всего опровергает титулы, данные его герою недругами, такие как «иезуит», «абсолютист», «радикал», «воинственный монах» и определяет собственные – «сложный характер, но душа», «рыцарь, верный своей красавице-истине» [7, с. 430]. В финале очерка Жуковский буквально поет гимн Радовицу, точнее, его душе, предназначенной Богу.

В свою очередь герой Жуковского оставил о нем не менее яркие строки: «Жуковский – один из чистейших и благороднейших людей, которых я когда-либо встречал в жизни: благотворение – это его величайшая радость, а мне каждый его разговор – благотворение; как поэт он будет жить до тех пор, пока на земле жива истинная поэзия...» [12, с. 351].

История дружбы Жуковского с Радовицем значительно расширяет представление о немецком тексте в житетворчестве романтика [13] и его посреднической роли в масштабном межкультурном трансфере первой половины XIX в.

Список литературы

1. Frensdorff E. Joseph von Radowitz. Eine Charakterschilderung von Emil Frensdorff. Leipzig, 1850. 133 S.
2. Joseph von Radowitz wie ihn seine Freunde kennen. Brief eines Nichtdeutschen in die Heimat. Manuscript. Karlsruhe, 1850. 50 S. (имени автора в книге на обложке и в тексте брошюры не указано).
3. Жуковский В. А. ПССиП. Т. 13. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1804–1833 гг. М., 2004. 608 с.
4. Шляпкин И. А. Жуковский и его немецкие друзья: Неизданные документы 1842–1850 гг. из картона Варнгагена фон Энзе // Русский библиофил. 1912. Ноябрь–декабрь. 214 с.
5. Radowitz J. M. von. Ikonographie der Hellenen. Ein Beitrag zur Kunstgeschichte. Berlin, 1834. 102 с.
6. Giradeau B. Die Parabeln des Vaters Bonaventura. Ein vortreffliches Hilfsbüchlein für Seelsorger, Lehrer und Eltern zur Versinnlichung christlicher Wahrheit und Sittenlehre. Sulzbach, 1835. 328 S.
7. Жуковский В. А. Иосиф Радовиц. Биографический очерк // Собр. соч. в прозе В. Жуковского. Изд-е шестое. СПб., 1869. С. 416–465.
8. Библиотека В. А. Жуковского: описание / сост. В. В. Лобанов. Томск, 1981.
9. Radowitz J. M. von. Die Devisen und Motto des späteren Mittelalters. Ein Beitrag zur Spruchpoesie. S.L ni d. 35 S.
10. Radowitz J. M. von. Die Devisen und Motto des späteren Mittelalters. Ein Beitrag zur Spruchpoesie. Stuttgart und Tübingen, 1850. 87 S.
11. Айзикова И. А. Философско-исторические и религиозно-нравственные проблемы в прозе В. А. Жуковского // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2003. Вып. 1. С. 9–15.
12. В. А. Жуковский в воспоминаниях современников / сост., подготовка текста, вст. статья О. Б. Лебедевой, А. С. Янушкевича. М., 1999. 726 с.
13. Янушкевич А. С. В. А. Жуковский в Баварии // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2004. Вып. 3. С. 44–49.

Никонова Н. Е., доцент, докторант.
Томский государственный университет.
Ул. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050.
E-mail: nikonat2002@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 24.04.2012.

N. E. Nikonova

V. A. ZHUKOVSKY AS A READER OF BOOKS BY J. M. VON RADOWITZ

This article has summed up study of books in German from Zhukovsky's private library with his marginalia. It's the first research work to cover the question how Zhukovsky as a reader perceived the volumes of the Prussian general I. M. von Radovitz, who was not only his friend but also the romanticist's last years' prose hero.

Key words: *Russian classic writers' private libraries, V. A. Zhukovsky, J. M. von Radowitz, Christian emblems.*

Tomsk State University.
Pr. Lenina, 36, Tomsk, Russia, 634050.
E-mail: nikonat2002@yandex.ru